

CLIO-SCIENCE

Проблемы истории и междисциплинарного синтеза

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК **XIV**

УДК 93
ББК 63.014
С61

DOI: 10.31862/9785426313293

*Печатается по решению
Ученого совета Института истории и политики
Московского педагогического государственного университета*

Рецензенты:

Нидерман Ирина Абрамовна, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника департамента методики преподавания социальных и гуманитарных наук Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета

Никонов Олег Александрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международной политики и зарубежного регионоведения Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Редакционная коллегия:

С. Ю. Рафалюк, канд. ист. наук, доцент (отв. редактор)

М. Ю. Лачаева, д-р ист. наук, профессор

М. В. Пономарев, канд. ист. наук, профессор

Н. В. Симонова, канд. ист. наук, доцент

М. В. Короткова, д-р ист. наук, профессор

В. Ж. Цветков, д-р ист. наук, профессор

А. В. Клименко, канд. ист. наук, доцент

А. Ю. Графов (технический редактор)

СЛИО-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза : сборник научных трудов. Выпуск XIV / под общ. ред. С. Ю. Рафалюк. – Москва: МПГУ, 2023. – 244 с.: ил.
ISBN 978-5-4263-1329-3

В четырнадцатый выпуск серии научных трудов Института истории и политики МПГУ вошли статьи преподавателей, аспирантов и студентов университета, коллег из других образовательных учреждений, посвященные актуальным проблемам исторической науки и социально-гуманитарного познания.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, студентов гуманитарных факультетов и для всех интересующихся историей.

Точка зрения редакторов может не совпадать с позицией авторов статей.

**УДК 93
ББК 63.014**

**ISBN 978-5-4263-1329-3
DOI: 10.31862/9785426313293**

© МПГУ, 2023
© Коллектив авторов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ

Асонов Н.В.

Методологические принципы и приемы анализа
цивилизационной составляющей
духовно-нравственных императивов
современной отечественной государственности
в рамках проекта «ДНК России» 7

Макарьев И.В.

Историческая семантика и изучение
политических языков: основные подходы 18

Пономарев М.В.

«Кризис идентичности» как фактор
современной социальной политики 29

Ополченев Н.К.

«Места памяти» как ресурс
формирования политики «мягкой силы» 35

Чельцов Б.В.

Роль личности в истории электорального успеха
блока ХДС/ХСС 40

Шейчина Н.Г.

Аксиология современного анархизма 45

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ, ЯВЛЕНИЯ И ПРОЦЕССЫ: ФАКТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Конюхов К.Р.

Мир «наоборот» в фольклоре и смеховой культуре 52

Мартынов Н.Г.

Джироламо Савонарола и Оливер Кромвель:
религиозная сущность политической диктатуры
в раннее Новое Время (сравнительный анализ) 64

Путилин И.А.

Славянские комитеты и внешняя политика
Александра II 71

Анискович Н.В.

Фактор Балканского союза во взаимоотношениях
Российской Империи и других великих держав
накануне Первой мировой войны 79

Кравец В.А.

Отношения США и России накануне и в период
Великой русской революции 1917 г. 88

Мартынова Т.А.

НЭР: города, созданные людьми для людей 96

Попова Е.А.

Празднование Масленицы сельскими жителями
в 1980-е гг. на примере с. Борец Сараевского района
Рязанской области. 101

Кузьмин А.Ю.

США–СССР: противостояние в Чехословакии
во второй половине 1960-х гг. 111

Петров М.В.

Причины и обстоятельства трагичного итога боя
131-й отдельной мотострелковой бригады
в ходе «новогоднего» штурма Грозного 119

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ**

Макарьев И.В.

Познание истории в философии Г.В. Лейбница 126

**Сазонов Д.В.,
Савченко А.Ф.**

Модерное и композитное государство
и модерная империя как концептуальные рамки
исследований истории России 133

Фроловский Д.А.

Методология выявления
 историографических паттернов 149

Анискович Н.В.

Русская дореволюционная историография
 о русско-японской войне 1904–1905 гг. 154

Ополченев Н.К.

Архитектурные памятники как объекты
 формирования «мест памяти»
 в городском пространстве 158

Скворцова В.Н.

Исторические аспекты возникновения
 архитектурных стилей
 в последней трети XIX – начале XX века
 (на примере Москвы) 163

Воробьев А.В.

Методологические подходы к анализу
 повседневной жизни российских офицеров
 на фронте
 в 1914–1917 гг. 166

Власенко А.С.

Образ Ивана Грозного в исторической повести
 Л.Г. Жданова «Царь Иоанн Грозный» 172

Федосеева Е.А.

Отражение социально-экономических изменений
 в Италии конца 1950 – начала 1960-х гг.
 В кинолентах Ф. Феллини и М. Антониони 181

«ИСТОРИЯ» VS «ОБРАЗОВАНИЕ»**Денисов А.В.**

Женское движение в России
 во второй половине XIX – начале XX в.
 и создание МВЖК 189

Донская Н.С.

П.В. Гора, основатель научно-методической школы
 (биография ученого) 195

Маслова В.Б.

«О поколении судят по героям,
которые ему принадлежат...».

Воспитание патриотических ценностей подростков
в школе средствами музейной и театральной педагогики 212

Омельчук В.А.

Феномен дополнительного образования в музее:
истоки и современное состояние 225

Шельгина А.М.

Театрализация в музейном пространстве.
Сотрудничество с внешним творческим партнером 232

Морецкий Ю.В.

Клиповое мышление и его влияние
на процесс изучения истории
в школьной и музейной практике 238

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ

Асонов Н.В.,

*доктор политических наук,
кандидат исторических наук;
профессор кафедры политологии
Института истории и политики МПГУ;
ведущий научный сотрудник
Центра междисциплинарных исследований
ИНИОН РАН*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ПРИЕМЫ АНАЛИЗА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ИМПЕРАТИВОВ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РАМКАХ ПРОЕКТА «ДНК РОССИИ»¹

Аннотация. В данной статье автор, исходя из того, что специфика России как «державы-цивилизации», имеющей свои духовно-нравственные императивы, отраженные в исторической связи поколений, не получила достаточного освещения в методических разработках, решил восполнить возникший пробел. Он показал, что учет и правильное применение общенаучных и частных методов исследования в рамках проекта «ДНК России» позволяет лучше понять специфику российской государственности и спрогнозировать ее дальнейшее существование.

¹ Статья подготовлена в рамках темы 123091200055-4 «Образы и нарративы исторической памяти российского общества: ценностный императив гражданского активизма» Экспертного института социальных исследований при поддержке Министерства науки и высшего образования в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук.

Ключевые слова: методологические принципы, методологические приемы научного анализа, цивилизационная составляющая, духовно-нравственные императивы, современная отечественная государственность, проект «ДНК России».

Появление «Основ российской государственности» в качестве обязательного предмета для всех направлений высшей школы прямо связано с политическими задачами нашей власти. Это чрезвычайно важная тема не только для системы высшего образования, но и вообще для всей молодежной политики, проводимой нашим правительством в последние годы. Не будем забывать, что согласно новейшим исследованиям, у современной студенческой молодежи «на первый план смысложизненных ценностей <...> выходят создание хорошей семьи и воспитание детей, возможность самовыражения и творчества, личная свобода и собственно человеческая жизнь. Вместе с тем, отмечают психологи, современные студенты в гораздо большей степени, чем в восьмидесятые года прошлого века, отдают предпочтение социальному статусу, доходу, а не личностным, духовным качествам» [1, с. 2606].

Вот почему в настоящих условиях, когда специальная военная операция приняла затяжной характер и перспектива подавления «суверенной государственности России», как о том написано в преамбуле к основному закону 1993 г., может стать горькой реальностью, надо заново пересматривать тему патриотического воспитания, используя весь положительный опыт, что был накоплен в предыдущие исторические периоды нашей страны. По этой причине поставленной политической задаче, возложенной на «Основы российской государственности», уже с момента теоретической разработки был подчинен весь комплекс образовательных и научных направлений, имеющих в распоряжении высшей школы. Тут в сферу попечения действующей власти наряду с теоретико-познавательной или гносеологической функцией, помогающей раскрыть объективные тенденции развития российской государственности и механизмы ее осуществления, попали воспитательная, мировоззренческая и ценностная (аксеологическая) функции. Тем более не могла остаться вне идеологии функция политической социализации молодежи, которой уже в ближайшее время предстоит возглавить наше государство и сохранить его уникальное цивилизационно-культурное значение [6].

Сегодня в России, как и на Западе, в отношении политических аналитиков и тех организаций, которые относятся к негосударственным исследовательским объединениям, используется

выражение *think tanks* (запас мыслей). Именно они дорабатывают и развивают не только научную, но и учебно-методологическую составляющую любой государственной программы, позволяющей укрепить патриотический дух граждан и сплотить их вокруг традиционных ценностно-целевых установок, позволяющих сохранить исторический союз поколений и направить на служение гуманистическим основам всего человечества [2].

Это ускорило появление «Основ российской государственности». Указом президента от 21 июля 2020 г. были утверждены национальные цели развития России на период до 2030 г., где было заявлено о выдвигании на первый план собственных приоритетов как необходимом фундаменте нашего дальнейшего развития. На следующий год с опорой на эти «Основы» вышел новый Указ президента «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», определивший возможные пути реализации национальных приоритетов [4]. В сентябре 2022 г. В.В. Путин подписал специальное поручение, предусматривающее создание «Основ российской государственности».

Их разработка должна осуществляться в соответствии с теми позициями, что были изложены в «Духовно-нравственном коде России» [8]. Организатором данного проекта считается Г.А. Гуров, занимающий пост заместителя главы Минобрнауки, а непосредственным руководителем глава президентского управления по обеспечению деятельности Госсовета А.Б. Харичев. Он входит во внутриполитическую группу Кремля, находящуюся под контролем первого замглавы Администрации президента С.В. Кириенко. Научное обеспечение было возложено на выпускника МПГУ А.В. Полосина, возглавившего летом того же года экспертно-методический совет.

В октябре 2022 г. в целях конкретизации этого проекта и придания ему прикладного характера по противодействию «сетевому хаосу», исходя из полученных данных, 250 аналитиков выделили пять ключевых мировоззренческих принципов, позволяющих молодым людям осознать и раскрыть нашу идентичность. В них вошли «единица активного участия, первичная единица общественной вовлеченности, позиция культурно обусловленного социального горизонта, пространство самореализации и пространство правоопределения». Дополнительно было отмечено стремление среди россиян к справедливости как одному из важнейших нравственных ориентиров и пять знаковых социально-политических устоев. Аналитическая группа их сформулировала так: «созидание –

для человека, любовь – для семьи, единство – для общества, порядок – для государства и миссия – для страны». Отдельным пунктом был поставлен вопрос о признании России как цивилизации, а не как одного из многих «национальных государств».

В соответствующем идейном направлении в 2022 г. перестроилась «Национальная доктрина образования в Российской Федерации». Авторы сделали акцент на «культурное своеобразие, особенности национального менталитета, ценностные основы жизни российского общества» и отмечают «особую роль» православия «как культуuroобразующей религии» [3, с. 29–30]. Действительно. Здесь «базовые культурно-исторические и духовно-нравственные основы народов России» подаются «в качестве традиционных» [3, с. 30]. Среди них особо выделены: «вера, народ, Отечество, жизнь, человек, семья, державность и гражданственность, социальная солидарность и справедливость, созидательный труд и взаимопомощь, долг и добрая воля, свобода и ответственность, честь, совесть и достоинство, <...> приоритет духовного и нравственного над материальным», ведь они задают «устремленность к Истине, Правде и Любви как к высшему Идеалу и высшей Ценности» [3, с. 30–31]. Здесь Россия подается в свете президентской установки, требующей видеть в ней «державу-цивилизацию», миссия которой состоит в «объединении на основе русской культурной традиции всех этноконфессиональных сообществ нашей страны в единую цивилизацию, способную противостоять внешним вызовам и угрозам» [3, с. 30].

С опорой на эти положения в ноябре 2022 г. были приняты Основы государственной политики по сохранению традиционных ценностей необходимых для сплочения власти и общества и их духовного развития [5]. К этой теме подключились близкий к Кремлю Экспертный институт социальных исследований и новая межфракционная рабочая группа Государственной Думы по законодательной реализации государственной политики в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Существенная поддержка ей оказывалась Рабочей группой Государственной Думы «Общество и культура» и Комитетом Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений, а также различными общественными движениями и организациями.

Получив обобщающие результаты деятельности этих организаций и групп, В.В. Путин издал Указ № 35 от 25.01.2023 г.

«О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808» [5]. Еще через четыре дня он поручил Министерству науки и высшего образования разработать до 1 августа 2023 г. и включить в программу всех высших учебных заведений «Основы российской государственности». Причем, научно-методологической опорой нового учебного курса должны стать результаты проекта «ДНК России». По мнению начальника управления президента по обеспечению деятельности Госсовета А.Д. Харичева и А.В. Полосина нормативная база этого поручения была подготовлена поправками к Конституции, Указом о национальных целях развития России до 2030 г. и Стратегией национальной безопасности 2021 г. [7].

Между тем, специфика России как «державы-цивилизации» с точки зрения анализа ее духовно-нравственных императивов, исторической связи поколений и служения идеалам своего отечества в силу ограниченности времени не получила достаточного освещения и методической разработки. Вот почему решение поставленных вопросов требует поиска и формирования широкой методологической базы. Ведь специфика данной дисциплины определяется сложной структурой социально-политического устройства России в пространстве и времени, а также теми нерешенными задачами, которые стоят перед исследователями, изучающими ее прошлое, настоящее и будущее. По многим из этих вопросов среди ученых нет единого мнения. Это касается не только ее цивилизационной сути, но и самой организации власти, государства и общества, выявления качественных категорий, требующих различать, как писал К. Шмитт, в морали «доброе» и «злое», в эстетике «прекрасное» и «безобразное», в экономике «полезное» и «вредное» [9, с. 40].

Поскольку на протяжении всей своей истории российская государственность представляет собой одно из проявлений такой двойственной действительности, то для нее характерна своя группа методов, позволяющих ее изучить и дать правильную интерпретацию. Дуализм присущий этому направлению знаний обеспечил его деление на две большие части не только в области предмета научного интереса, но и в сфере методики познания российской действительности. Она заставляет нас обратиться к объективным законам бытия как главной исследовательской основе любого научного поиска. Это значит, что изучение сути цивилизационного состояния России, ее духовно-нравственных императивов и темы исторического союза поколений как атрибутов российской

государственности в ее материальном и духовном единстве, теоретическом и практическом воплощении нельзя проводить без учета закона единства и борьбы противоположностей, раскрывающего двойственную природу бытия и его социально-политической среды. Анализируя ее, необходимо исходить из того, что в нашей жизни нет, да и не может быть, только положительных или только отрицательных явлений. Все, что мы изучаем, содержит как ту, так и другую сторону. Любые лица, события или процессы несут в себе не только плюсы, но и минусы, влияющие на уровень жизнеспособности России как суверенной державы. Причем, качественное и количественное соотношение плюсов и минусов может сильно расходиться в видимой и скрытой от наших глаз политической жизни. Поэтому важно понять причины таких расхождений и выявить соотношение между их достоинствами и недостатками, а заодно представить возможные последствия их конфликта в будущем.

То же самое касается применения других объективных законов бытия, которыми занимается философия. Без обращения к ним любое научное исследование будет неполным и обязательно приведет к ошибочным выводам. Вот почему изучение всех означенных вопросов надо строить с опорой на хорошо известные законы отрицания отрицаний и перехода количественных изменений в качественные. Они тесно связаны с диалектическим методом познания, а он строится на соотношении изменяющихся элементов научного анализа с метафизической (принцип неизменяемости в главном) трактовкой социально-политической сферы бытия.

В частности, учеными было отмечено, что за всю историю человечества не было ни одной династии правителей, которая бы давала талантливых руководителей страны в течение четырех поколений. С правнуков начинался застой, а то и полный распад государства, пока через какое-то количество лет новый правитель не выводил его из кризиса. Для России таким примером стала династия Романовых, да и Рюриковичи не были здесь исключением, прямо влияя на ослабление некогда прочных основ государственности. Но не надо думать, что другая форма организации власти способна обеспечить ее постоянное и устойчивое развитие. История когда-то цветущих республик, обладающих представительной властью, или коммун, созданных по принципу прямой демократии, не даст ни одного такого примера. Афинская демократия, Римская республика, Новгородская земля или Венеция, владевшая

половиной Средиземного моря, не сохранили своей государственности, придя к полному разорению и краху. Таким образом, все в материальном мире, имея начало, обречено на вырождение и гибель. И мы можем не сомневаться в наступлении схожих последствий не только для России и человечества. Такова метафизика нашего мироздания, когда погаснут все звезды и вселенная погрузится во мрак наполненный невидимой пылью (рис. 1).

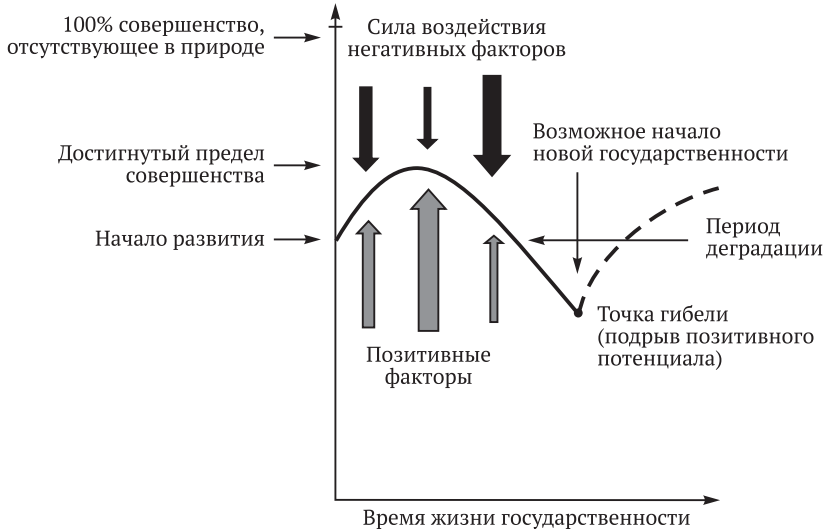

Рис. 1. Метафизика государственности

Наряду с диалектикой и метафизикой нельзя исключать другие методы философии. Важное место здесь следует отвести логике. В Древней Греции логикой называли умение использовать приемлемые способы доказательства. Сегодня в духе античных мыслителей с этим методом познания объединяют три основных аспекта. Это онтология (логика вещей), свидетельствующая о необходимой связи всех элементов чего-либо, скажем, политической системы, куда входит государственность, как единого целого. Это гносеология (логика знания), указывающая на связь понятий, с помощью которых познается суть явлений. Это демонстрация (логика доказательства и опровержения). Она связана с подбором нужных доказательств, позволяющих объяснить суть изучаемого объекта.

Обычно логика доказательства ограничивается набором правильных аргументов, представляющих собой такие способы рассуждения, которые могут позволить с опорой на точные данные или объективные умозрительные посылки прийти к правильным выводам. Со времен Платона и Аристотеля в набор таких аргументов стал входить процесс дедукции (выведения). Он представляет собой метод перехода от общего к частному или процесс логического вывода, отражающего движение от некоторого набора имеющихся посылок к их следствиям. Такие следствия способны носить как частный, так и общий характер, позволяя поставить последнюю точку в понимании сути государственности. По этой причине дедукцию соотносят с выводом и следствием, когда в аналитических изысканиях используется формализующий словесный оборот «Если..., то...». Такой прием был использован, когда речь шла о неизбежной деградации и гибели любой государственности. Ведь, *если* материальный мир конечен, то конечно все, что создано и в области социально-политических отношений, возникших как дочерний элемент материи. Здесь государственность оказывается именно таким элементом.

К отдельному направлению в методе логического анализа надо отнести индукцию (наведение). Став одним из видов научного обобщения как формы получения знаний путем мысленного перехода от частного к общему, индукция стала отождествляться с более высокой степенью постижения социально-политической действительности, именуемой абстракцией. Тут в качестве очередного примера следует сослаться на переход от наблюдения над совокупностями индивидуализированных объектов государственности (идей, титулов, символов, норм и т.д.) к их умозрительному разделению на группы. Расчленяя их на группы, мы выделяем присущие им общие и особенные черты, различных видов государственности друг другу. В самом деле, цивилизационное состояние нашей страны в разные периоды ее существования имело свои специфики, влияющие на духовно-нравственные императивы, исторический союз поколений и тип служения поставленным идеалам.

Используя метод обобщения как одно из важных средств познания мира, можно извлекать общие принципы (закономерности) из хаоса затемняющих их явлений и фейков, унифицируя выявленные принципы жизнедеятельности российской государственности по единой формуле, отождествления разных на первый взгляд деталей. На этом основании обобщение становится

идентично предвосхищению результатов наблюдения, собранных нами на основе уже имеющихся первичных данных. Если изучаемая многократность повторяется, при незначительном отклонении от нормы, то можно говорить о правильности сделанного вывода, позволяющего прийти к индуктивному обобщению (предположению), доказательно раскрывающему наиболее вероятный путь изменения нашей государственности и присущих ей духовно-нравственных императивов в ближайшем или отдаленном будущем.

Особое значение здесь занимают т.н. общие методы познания социально-политической действительности, вне которой наша страна, как и любая другая территориальная общность, существовать не может. Вот почему здесь в прямой связи с диалектическим методом находится системный метод. Его суть состоит в рассмотрении российской государственности как целостной, сложно организованной системы, встроенной в политическую систему общества и находящейся во взаимодействии с ее структурными звеньями и всеми социальными институтами. Он направлен на изучение составляющих ее элементов и многообразия их связей.

С данным методом солидаризуется структурно-функциональный метод. Ведь он помогает понять государственность как особую систему, в которой каждый элемент имеет свое назначение и выполняет специфические функции, работающие в соответствии с интересами господствующей политической силы. Тут особенности функционирования такой системы обусловлены типом ее структурной организации, влияющей на характер ее устойчивости.

С этими методами перекликается сравнительный метод. Его суть кроется в сопоставлении однотипных явлений и признаков государственности и ее духовно-нравственных императивов, которые развиваются в различных временных пределах. Сравнительный анализ помогает выявлять как общие их черты, так и их особенности, присущие только конкретному отрезку времени, позволяющие говорить об усилении или ослаблении у России своего цивилизационного поля. Между тем, всякое сравнительное изучение содержит в себе метод причинно-следственных связей, и ценностно-сравнительный метод исследования социально-политической сферы. С их помощью мы можем выявить преимущества или недостатки свойственные каждому периоду истории России и определить общее направление развития или угасания традиционных для нее культурно-исторических связей между поколениями.

Витальный метод замыкает данный ряд общих способов изучения отечественной государственности и ее духовно-нравственных императивов. Он исходит из того, что в основе всех императивов такого рода лежит стремление власти и общества не только выжить, но и обустроить жизнь государства согласно своим представлениям о нем. Поэтому его удобно использовать вместе с цивилизационным и антропологическим методами. Такой подход позволяет дать более объективную оценку не только жизнеспособности любой цивилизации как активного участника социально-политической жизни, но и раскрыть самого человека как главное действующее лицо властных отношений, без которого не было бы государственности.

Хотя общие методы изучения отечественной государственности имеют несомненный приоритет и широко используются всеми обществоведческими науками, занимающимися изучением России, нам не обойтись без частных методов, касающихся лишь какой-то одной стороны изучения государственности. Тут первое место принадлежит методу исторического анализа. Именно он дает возможность рассмотреть государственность с позиций процессуальной составляющей, прослеживая этапы ее зарождения, развития и последующей деградации в структурном единстве причинно-следственных связей и тем дополнить диалектический метод. Однако тут есть свои сложности, способные завести в тупик или привести к ложным выводам. Причина кроется в том, что близкий ему по своей сути метод сравнительно-исторического анализа, как и аксиологический (нормативно-ценностный) метод, могут стать заложниками какой-либо политической идеологии и характерных для нее ценностно-целевых установок. Они часто диктуют студенту свои правила выявления результата, заставляя подчиняться принятому взгляду на справедливость.

Весьма значим нормативный метод, в сочетании с культурологическим методом он позволяет анализировать содержание государственности с помощью ценностно-нормативных критериев. В результате его применения данная область социально-политической жизни предстает как продукт осознанных мотиваций и форм поведения участников общественных отношений, имеющих свою культуру, характерный для нее язык, доказательную базу и специфический, только ей присущий набор мировоззренческих установок и символов, раскрывающих тип служения и оправдания через утвержденный набор духовно-нравственных императивов, содержащихся в письменных и устных источниках, включая имеющиеся

в нашем распоряжении артефакты. Для их анализа большую роль играет герменевтика. Данный метод ориентирован на правильное прочтение и истолкование смысла всей совокупности источников, попавших в поле нашего изучения. В научный анализ он вошел в качестве обязательного исследовательского компонента текстологии и ее методической составляющей, без использования которой трудно понять скрытую (латентную) часть документов, раскрывающих те или иные стороны государственности.

Таким образом, учет и правильное применение означенных методов позволяет понять специфику разнообразных аналитических построений и прогнозов, применяемых при изучении российской государственности. Тут уместно вспомнить слова Г.В. Плеханова о том, что ошибка в результатах исследования будет непременно замечена и исправлена при дальнейшем применении правильного метода, между тем как ошибочный метод лишь в редких случаях может дать результаты, не противоречащие той или другой частной истине.

Список источников и литературы

1. Ананченко А.Б., Тюков Н.А., Шаповалов В.Л. Ценностные ориентации студентов педагогических вузов и молодых педагогов в контексте формирования российской политической идентичности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. № 12 (57). С. 2598–2608.
2. Белоконов С.Ю., Гавров С.Н. Идеологемы постмодерна vs национально ориентированное мировоззрение: к пониманию политической картины мира российской молодежи // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. № 13 (1). С. 21–29.
3. Слободчиков В.И., Остапенко А.А., Шестун Е.В. и др. Национальная доктрина образования Российской Федерации. Проект // Народное образование. 2022. № 4. С. 28–39.
4. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 26.11.2023).
5. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 26.11.2023)
6. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 26.11.2023).

7. Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 9–19.
8. Харичев А.Д., Полосин А.В. ДНК России // Деловая газета «Взгляд». 8 февраля 2023. URL: <https://dzen.ru/a/Y-NDxpEr1HRstKmM> (дата обращения: 26.11.2023).
9. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67.

Макарьев И.В.,

кандидат философских наук;

доцент кафедры философии

Института социально-гуманитарного

образования МПГУ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. В статье, с опорой на работы Х.Э. Бедекера, предпринята попытка реконструировать отношения между исторической семантикой и изучением политических языков в контексте «лингвистического поворота», произошедшего в философии и историографии XX в. Проанализированы три основных направления в изучении «истории понятий» в историографии и политической теории: немецкая «история понятий» Р. Козеллека и Р. Райнхардта, французский исторический дискурсивный анализ Р. Робен, М. Пешо и Ж. Гийому и «Кембриджская школа» изучения политических языков Нового времени К. Скиннера и Дж. Покока. Также представлены основные идеи философской метафорологии Х. Блюменберга и «Исторического словаря философии» И. Риттера. Рассматриваются отношения между словом и понятием, дискурсом и метафорой, языком и речью в контексте исследования методологии «истории понятий».

Ключевые слова: лингвистический поворот, язык, историческая семантика, понятие, история понятия, слово, дискурсивный анализ, метафорология.

Одним из важнейших поворотов, произошедших в западной философии в 1910–1920-е гг., был «лингвистический поворот»

(linguistic turn), т.е. буквально «языковой поворот» или «поворот к языку», оказавший решающее влияние на три основных направления в философии всего XX в.: немецкую феноменологию и герменевтику, французский структурализм и постструктурализм, англоязычную аналитическую философию. Его основанием можно считать систематическую теорию значения Готлоба Фреге, метод анализа естественного языка Джорджа Эдуарда Мура, идею формально-логического языка Бертрانا Рассела, теория языкового значения как «употребления» Людвиг Витгенштейна, с одной стороны, и герменевтику языка позднего Мартина Хайдеггера, философскую герменевтику Ганса-Георга Гадамера и Поля Рикера, «трансцендентальную прагматику» Карла-Отто Апеля, с другой. Если в классической философии в паре «мышление – язык» приоритет отдавался мышлению (достаточно вспомнить знаменитый лозунг основателя философии Нового времени Рене Декарта «*cogito ergo sum*», где весь мир выводится из принципа *cogito* – «Я мыслю»), а язык понимался лишь как его инструмент и не представлял для философов особого интереса, то теперь он «предстал неотделимым от человеческого сознания, опыта и знания, вышел в центр философского анализа» [9, с. 446], и все философские проблемы, так или иначе, фокусируются теперь вокруг проблем языковых.

В историографию идеи «лингвистического поворота», в качестве поворота методологического, проникают в 1950–1960-х гг. и становятся буквально культовыми в 1970–1980-е гг. [см.: 7, с. 33]. Центральной здесь предстает фигура Хейдена Уайта и его книга «Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века» (1973), в которой идея языка становится в центр исторического повествования. Основная проблема, которую пытается решить автор, связана с «признанием невозможности прямого доступа к прошлому» [10, с. 246], что дает ему возможность сравнить прошлое с текстом. Опираясь на идеи французского структурализма, Уайт утверждает, что «историография содержит неотъемлемый поэтико-риторический компонент», а значит историческая репрезентация «должна принимать форму повествования» [11, с. 8]. Исходя из этого он, выявляя различные уровни и характеристики истории как процесса, исследует стиль работы четырех историков (Мишле, Ранке, Токвиль, Буркхард) и стиль работы четырех философов (Гегель, Маркс, Ницше, Кроче), выявляя их понимание философии истории. В отличие от классических теорий истории предшествующего периода, Уайта меньше всего интересует точность изложения, исторические факты и их теоретическая рефлексия. С опорой

на понятие «троп» – стилистическую фигуру, используемую в переносном значении, он выделяет четыре тропологические модели: метафора, метонимия, синекдоха, ирония и пять уровней концептуализации исторического материала: хроника, повествование, сюжет, объяснение, идеологическая импликация. Такая «поэтика» историографии, как назвал свой проект сам Уайт, сближала (часто до неразличимости) работу историка с работой художника и, тем самым утверждала историю скорее в качестве рода (формы) литературы, чем в виде (форме) научного дискурса [11, с. 11].

Такое внимание к языку и сближение истории с литературой нашло свое отражение в большом количестве направлений историографии XX в.: новая культурная история, новая интеллектуальная история, историческая герменевтика, история ментальностей, история повседневности и многих других. Принципиальное изменение роли языка привело и к возникновению исторической семантики, которая оказалась реконструкцией «идейного содержания слов, текстов, дискурсов и интеллектуальных построений» [4, с. 9]. Поскольку она связана с большим количеством областей знания (многие из которых перечислены выше), то дать ей четкое дисциплинарное и институциональное определение нелегко [см.: 4, с. 9]. Поэтому мы ограничимся, с опорой на статью известного немецкого историка и методолога истории Ханса Ульриха Бедекера «Отражение исторической семантики в исторической культурологии», рассмотрим историческую семантику как определенной «истории понятий». По мнению Бедекера, наиболее полно и продуктивно такое понимание исторической семантики представлено в трех основных направлениях: немецкой «истории понятий», французском историческом дискурсивном анализе и Кембриджской школе изучения политических языков Нового времени. Заметим, что это совпадает с тремя ведущими направлениями философской мысли XX в., обозначенными в начале статьи. Попробуем, не перечисляя всех идей этих направлений, что просто невозможно в рамках небольшой статьи, выделить наиболее значимые из них и посмотреть, как они работают во взаимодействии друг с другом.

Немецкая историческая семантика, тесно связанная с социальной историей и историей ментальностей, наиболее полно представлена в качестве «истории понятий» (нем. Begriffsgeschichte) в работах Райнхарта Козеллека, одной из важнейших среди которых является его программная статья 1972 г. для энциклопедического словаря «Основные исторические понятия. Исторический словарь политико-социального языка в Германии».

Развивая историю понятий как «методически самостоятельную часть социально-исторического исследования» [2, с. 7], Козеллек стремился показать, как изменения, происходящие в социальной реальности, проявляют себя в важнейших социально-политических понятиях этой самой реальности. Такое понимание истории понятий связано с тем, что в Германии это направление возникает не столько в ответ на кризис в традиционной истории идей, как в англосаксонском мире, сколько как ответ на новые вызовы и потребности общественных наук в целом и социальной истории в частности [см.: 2, с. 6]. При этом, Козеллек стремился отделить свое исследование от структурной лингвистики (в духе последователей Фердинанда де Соссюра) и структурализма как такового (в духе Ролана Барта или Мишеля Фуко) «преобладанием интереса к историчности изучаемых понятий» [5, с. 36]. Поэтому исследование истории понятий, сосредотачиваясь на «длительностях» в развитии «основных исторических понятий», где представлены как социально-политическая история, так и история повседневного опыта, осуществляется как в диахронной перспективе (преимущественно), так и в синхронной (с опорой на такие понятия, как «разновременность» и «одновременность»). Такое исследование можно рассматривать как некую реконструкцию «комплексного многообразия социальной истории и исследуемых понятий» [2, с. 8]. Также, с опорой на великую традицию немецкого историзма (Гердер, Ф. Шлегель, Гегель) и философскую герменевтику Г.-Г. Гадамера, Козеллек отказывается отождествлять историческую действительность с понятием «текст», как это произошло во французском структурализме Ролана Барта и постструктурализме Жака Деррида, и «растворять» историю «в языковых символах» [2, с. 8], т.е. он разводит социальную реальность и ее языковой контекст.

Но ключевым моментом в рассмотрении истории понятий Козеллеком нам представляется его различение слова и понятия, которые, хотя и связаны между собой, но имеют различные качества и, в конечном счете, представляют собой разные сущности [см.: 3, с. 42]. Такое различие связано с отказом немецкого исследователя от использования соссюровского «треугольника» «слово (наименование) – значение (понятие) – предмет». Слово показывается в его отличии не от других участников «треугольника», а именно в его принципиальном отличии от понятия: если слово может быть как многозначным, так и однозначным, то понятие всегда должно «оставаться многозначным, чтобы оно могло

быть понятием». В понятии, в отличие от слова, важен не результат, а именно процесс. Поэтому понятия, никогда не определимые до конца (навсегда), принципиально открыты для различных интерпретаций, постоянно спорны и не поддаются окончательной дефиниции. Это связано с тесной связью понятия и истории: «история интерпретируется через ее понятия, а понятия понимаются исторически: история понятий имеет своим предметом соединение понятия и истории» [5, с. 39].

Кроме Козеллека Бедекер особо выделяет позицию историка Рольфа Райхардта. Райхардт в своих различных работах, например, в работе «К истории социально-политических понятий во Франции между Абсолютизмом и Реставрацией» (*Zur Geschichte politisch-sozialer Begriffe in Frankreich zwischen Absolutismus und Restauration*) (1982), «расширил исследование отдельно взятых терминов до рассмотрения внутри всеобъемлющего, но точно определенного круга источников, целых терминологических полей, сети политических понятий, а также семантически противоположных, равных и дополняющих друг друга структур» [2, с. 9]. Это позволило ему создать особый метод, находящийся между «историей понятий» и «лексикометрией», – метод «социометрической дискурсивной семантики». Это позволило ему расширить круг источников, вовлекаемых в исторические исследования, таких как визуальные источники, а также различные коллективные символы и ритуалы. Это расширение имело двоякое значение. С одной стороны, это позволило положительно расширить анализ единых словесных образований (нем. *Worteinheiten*) до анализа семантических структур и истории доказательства (нем. *Argumentationsgeschichte*) как такового, что позитивно сказалось на исследовании «истории понятий». С другой стороны, такое расширение привело к «истории языка без самого говорящего» [2, с. 9], т.е. к изъятию из истории его субъекта, самого человека, познающего и действующего. Это похоже на те же самые последствия, к которым привела знаменитая теория «смерти человека» или «смерти автора» во французском структурализме Мишеля Фуко и Ролана Барта.

Во Франции исследование истории понятий зародилось в напряженном поле отношений между историей ментальностей, развиваемой, прежде всего, историками школы «Анналов», и структуралистскими исследованиями 1950–1960-х гг., связанными с дискуссиями об ограниченности традиционной истории идей. Несмотря на то, что один из основателей «Анналов» Люсьен Февр

«призывал писать историю как историю значений ключевых понятий» [Цит. по: 2, с. 10], довольно долго этот призыв оставался без ответа и исследование историками языковых структур оставалось на маргинальном положении [2, с. 10], пока в начале 1970-х гг. Режин Робен не осуществила синтез лингвистики и истории в своих методологических работах. Благодаря тому, что она объединила в них социальную историю политических и исторических понятий, с одной стороны, и историю дискурса, с другой, во Франции утвердился «исторический дискурсивный анализ», пришедший сюда из немецкой исторической традиции (нем. *historische Diskursanalyse*), и объединенный с традиционной для французской интеллектуальной традиции лингвистической теорией дискурса, связанной с именем выдающегося швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра.

Начинания Робен были подхвачены (каждым по-своему) Мишелем Пешо и Жаком Гийому. Пешо, отталкивавшийся от традиционной французской лексимиетрии, соотносившей слова друг с другом с помощью статистики, пошел дальше в попытке развить исторический дискурсивный анализ: он предложил метод выявления полей значений и смысловых связей между ними. Этот метод, известный под лозунгом «читаем архивы», предлагал интерпретацию любого высказывания как «конкретизацию понятий и доказательств соответственно их исторической связи с темами и условностями социально-политических дискурсов» [2, с. 11]. Соответственно, речь шла уже не просто о «расширении» классических лексикологических подходов, а об исследовании познавательного статуса и значения используемых слов и словарных групп в «контексте различных языковых практик» [2, с. 11]. Такой подход предполагал изучение не только дискурса как некоего прошлого, которое ушло и больше никогда не повторится, а дискурса в контексте его собственной историчности, т.е. того отношения, которое его прошлое имеет к его же настоящему. Именно так пытался продолжить данные исследования Жак Гийому.

Англоязычные исследования по истории понятий появились несколько позже, чем немецкая история понятий и французский исторический дискурсивный анализ. Это было связано с большей, чем в других традициях, укорененностью здесь классической истории идей, представленных, прежде всего, в знаменитой книге Артура Лавджоя «Великая цепь бытия» (1936). Только к концу 1960-х гг. недостаточность и даже поверхностность этих идей стала очевидной для исследователей, и тогда происходит обращение

к исследованию истории понятий и здесь. Немаловажную роль для ее становления сыграла и теория языковых актов (англ. speech acts), представленная в философии языка Джона Л. Остина и Джона Серля, различные типы высказывания связывались с определенным историческим действием. Отсюда особый интерес представителей «Кембриджской школы», как стали называть представителей данной интеллектуальной традиции, к «исторической контекстуализации политических теорий» [2, с. 12]. Наибольшее значение имели работы Квентина Скиннера и Джона Покока.

Именно с именами Скиннера и Покока связаны «радикальные изменения в методологии англоязычной истории политической философии» [1, с. 23], которые произошли в 1960-е гг. В противоположность Хейдену Уайту, который в своих работах, обращаясь к риторической природе любого (научного или ненаучного) текста, утверждает «разрыв с логикой и законами исторического исследования» [1, с. 23], отрицание важности классических исторических интерпретаций прошлого, то оба английских исследователя, наоборот, соединяют вместе логику (вместе с вниманием к риторике) и историю (в качестве исторического метода). Центральное понятие этой школы – понятие «контекст» – служит для реконструкции «исторически локального смысла речевого действия» [1, с. 24], т.к. только лишь с помощью понятия «текст», «оставив в стороне наши ожидания по поводу того, что он должен был говорить» [8, с. 57] этого сделать нельзя. Под «контекстом» здесь понимается как конкретная языковая ситуация, по отношению к которой так или иначе проявляется себя данный автор, так и «контекст» других текстов других авторов, когда классические тексты политической теории Нового времени помещаются в более широкий контекст текстов «второстепенных» авторов того же времени. Это приводит к тому, что исследователь должен постоянно учитывать два взаимосвязанных момента в своем исследовании: «политический аргумент в конкретной исторической ситуации» [1, с. 24] и определенная позиция в отношении других авторов того текста или автора, который исследуется. Эти общие методологические установки авторов Кембриджской школы в их собственных конкретных исследованиях реализуются несколько по-разному.

Квентин Скиннер известен как автор фундаментальных работ по истории политической мысли Нового времени, как политический (неореспубликанский) философ, как теоретик и методолог в области истории понятий и интеллектуальной истории.